

**«ВЕЧНЫЙ СПУТНИК»:
ГОГОЛЬ В КРИТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ЗИНАИДЫ ГИППИУС**

З.Н. Гиппиус, в отличие от Д.С.Мережковского, не написала о Гоголе объемного труда, но ее восприятие гоголевских тем, образов и фигуры писателя в целом складывалось самостоятельно до конца жизни. Подъем творческого интереса Гиппиус к произведениям Гоголя совпал, как и у некоторых других писателей в начале XX века, с юбилейными гоголевскими торжествами. Это нашло отражение в ее статьях в журнале «Весы» и газете «Речь», позже – в документальной и мемуарной прозе. Гоголь, произведения которого Гиппиус начала читать во время домашнего обучения в Нежине, стал для нее «вечным спутником», включенным в сферу ее жизнетворчества.

Ключевые слова: гоголевский миф; памятник Гоголю в Нежине; русская «органическая» критика; демократическая критика; гоголевские образы в критической прозе; жизнетворчество.

Гоголь, как известно, не был включен Мережковским в ряд «Вечных спутников», но, несмотря на это, Мережковский и Гиппиус обращались к наследию писателя на протяжении всей жизни. «Судьбу Гоголя» Мережковский исследовал на страницах «Нового пути» в 1903 г., и позже его интересовала творческая биография великого писателя¹.

Л.А. Сугай в монографии «Гоголь и символисты» писала о том, что проблема «Мережковский и Гоголь» «заслуживает специального исследования»². В докторской диссертации «Гоголь и русский символизм» она рассматривала принцип мифотворчества Мережковского. «Мережковский, – утверждает Л.А. Сугай, – попытался представить Гоголя <...> религиозным писателем и религиозным борцом. <...> Творчество Гоголя – подвиг религиозного служения: и в жизни, и в произведениях Гоголь вел неравный бой с антихристом»³. По мнению Л.А. Сугай, Мережковский

создал трагический образ писателя, и, как и у ряда символистов, Гоголь у Мережковского – «свой»⁴.

Автор диссертационного исследования «Н.В. Гоголь в критической прозе Д.С. Мережковского» Т.А. Александрова заключила, что «Мережковский стоял у истоков создания гоголевского мифа в русской культуре. Его интерес к писателю совпал с подъемом интереса к Гоголю, стимулированным двумя его юбилеями в начале XX века. <...> Характер отношения Д.С. Мережковского к личности и наследию Н.В. Гоголя был обусловлен общей эволюцией писателя и соответствовал отбору значимых для него имен, определившихся еще в книге “Вечные спутники” и ранних статьях. С течением времени круг важных для него, сопровождавших его имен “спутников” расширялся. В него включались и имена таких великих предшественников, которым посвящались отдельные исследования. Однако имя Н.В. Гоголя здесь стоит особняком»⁵. Е.А. Андрущенко в статье-послесловии к книге «Д.С. Мережковский. Вечные спутники» утверждает: «Эти имена и художественные явления оказались культурными ориентирами, теми постоянными величинами в творческом сознании Мережковского, вокруг которых строилась его религиозно-философская концепция»⁶. Таким образом, Гоголь у Мережковского всегда был особенным, «своим».

Для Гиппиус, хорошо знавшей как содержание произведений Мережковского, так и векторы его исследований, Гоголь стал «своим». Она, в отличие от супруга, не написала о Гоголе объемного труда, но восприятие писателя у Гиппиус самостоятельно складывалось со времени ее домашнего обучения в Нежине до последних статей в период эмиграции.

В данной статье, не претендующей на полноту освещения вопроса, предметом внимания следует назвать расстановку отдельных «вех», этапов творческого воплощения образа Гоголя в восприятии Гиппиус и отражение гоголевских тем, образов и реминисценций в ее критической прозе. Необ-

ходимо отметить, что коллектив ученых под руководством А.Н. Николюкина откомментировал дневники Гиппиус⁷ и ее прозу периода эмиграции⁸, в числе прочего указаны источники некоторых цитат из произведений Гоголя в прозе Гиппиус. Однако исследования о восприятии Гоголя в творчестве Гиппиус нет.

В силу сложившихся обстоятельств Гиппиус приобщилась к творчеству Гоголя в детстве: отец будущей поэтессы, по ее словам, «поклонник Гоголя»⁹, был вынужден из-за туберкулеза перевезти семью из Петербурга в Нежин, где стал председателем суда. Домашние учителя Гиппиус в тот период – преподаватели из «Гоголевского института». Отец был одним из тех, кто установил бюст писателя в городском сквере. В книжных фондах «Дома Гоголя» находится юбилейный сборник «Гоголь в русской поэзии» (М., 1902), изданный к 50-летию со дня смерти писателя. 4 сентября 1881 г. на торжестве по случаю открытия первого в мире памятника Гоголю в Нежине были прочитаны среди прочих творений строки студента-юриста университета св. Владимира:

К тебе, к украшенью родимой земли,
Мы, юноши, с должною данью пришли –
На бюст с благоговеньем венки возложить,
Священную память поэта почтить.
.....
Прими же венки наш! Любя просвещение,
Студенты несут его, чувства полны,
Тому, кто шел к свету, вещал обновенье
Для мира неволи, страданий и тьмы¹⁰.

Авторы, строки которых вошли в юбилейный сборник, называли Нежин «отчизной русского Гомера», где по праву был установлен первый памятник Гоголю¹¹.

Современные литературоведы не раз обращали внимание на символы, которые представляют собой памятники. Например, М.Н. Виролайнен

в статье «Два Петра» исследовала символику памятников Фальконе и Шемякина¹². (В архетипическом плане с традицией народной «низовой» культуры связан, по мнению М.Н. Виролайнен, «Петр» Шемякина, а с архетипом государственного мифа, выраженного в государственной эмблематике, – «Петр» Фальконе). Л.А. Сугай в одной из статей писала о противостоянии двух образов, увековеченных в бронзе и граните: о памятниках Пушкину Опекушина и Гоголю работы Андреева¹³. Нежинский памятник Гоголю связан с первым этапом приобщения Гиппиус к русской литературе, с периодом в биографии, остро запомнившимся утратой любимого отца. В эмиграции в мемуарном произведении «Дмитрий Мережковский» Гиппиус на склоне лет вспоминала о «городском сквере» «городишки», где был установлен бюст Гоголя¹⁴. Первые воспоминания Гиппиус связаны с учителями из учебного заведения, которое в свое время окончил Гоголь, любительскими спектаклями, сыгранными сослуживцами отца для сбора средств на памятник. В этом контексте обращает на себя внимание противопоставление видения Родины издалека и связанных с ней мест и имен-спутников Гиппиус и Марины Цветаевой. Последняя, стремясь из эмиграции домой, в 1936 г. в очерке «Мой Пушкин» вспоминала о детском восприятии «“Памятник-Пушкина”, в одно слово», бывшим для поэтессы «целью и пределом прогулок»¹⁵ с няней. В конечном итоге целью и пределом для взрослой Цветаевой стало возвращение в СССР. Гиппиус, подводящая итоги жизни на чужбине, без надежд на возвращение, потеряв родину, близких, ощущала себя вне времени и пространства, связав с памятником в Нежине как первую в жизни утрату близкого человека, так и одновременно – первое приобщение к русской литературе.

Мережковский опубликовал книгу «Гоголь и черт» в 1906 г. Известно, что замыслы своих произведений он часто «проговаривал» дома, обсуждал их с супругой. Гоголевские темы по-своему переосмыслены в это время и у Гиппиус. В журнале «Весы» были опубликованы ее статьи

«Иван Александрович – неудачник» (1906) и «Анекдот об испанском короле» (1907), основанные на гоголевских реминисценциях. Гиппиус, в эти годы уже известный критик, под псевдонимом «Антон Крайний» и под собственным именем участвовала в текущей литературной полемике, боролась против «литературного хулиганства» и «мистического анархизма» как неудачного рекламного хода Георгия Чулкова. Ю.В. Манн в книге «Поэтика Гоголя» пишет: «Образ Хлестакова неисчерпаем, таит в себе ошеломляющие неожиданности. Однако все они располагаются в пределах одного диапазона... “Миражность” возвышения Хлестакова в том, что он играет роль, к которой меньше всего способен, меньше всего достоин <...>»¹⁶. Гиппиус по-новому использует гоголевские образы Хлестакова и, в следующей статье, Поприщина, показав «миражность» «возвышения» посредственного литератора Г. Чулкова, менее всего способного претендовать на основателя литературного течения. Совместно с редактором «Весов» В. Брюсовым ею было принято решение превратить ситуацию с шумихой вокруг брошюры Чулкова о «мистическом анархизме» в неудавшийся рекламный ход ее автора, а затем в анекдот¹⁷. В обеих статьях Гиппиус использует свойственное символистам неточное цитирование: например, вместо «тридцати пяти тысяч одних курьеров» в «Ревизоре» Гоголя (IV. С. 50) Гиппиус в статье пишет о тридцати¹⁸, а вместо Бобчинского сообщить о нем «вельможам разным» (IV. С. 122) Хлестакова у Гиппиус просит Добчинский: «Лишь бы в Петербурге знали, что живет такой-то Добчинский»¹⁹. Для Гиппиус важно с помощью развития образов Хлестакова и «испанского короля» Поприщина показать бессмысленность, абсурдность притязаний Чулкова на создание нового течения в русской литературе. Находясь с 1906 по 1908 г. в Париже, она занимает позицию «над», «издали», «с другого берега», включая русскую литературу в общеевропейский культурный контекст, представив «дела домашние» со стороны, выступая в «Весах» за общекультурные ценности²⁰. В этом контексте

Чулкову, который, выступив во французском журнале, «радостно распространился перед Европой»²¹, места нет.

Гоголевское восприятие автоматизма и внешней механичности Парижа по-своему отражено и переосмыслено Гиппиус в очерках «Бедный город» (Весы. 1906. № 8) и «Парижские фотографии» (Весы. 1907. № 2). В восприятии Гиппиус Парижа и Рима очевидны гоголевские аллюзии: противопоставление величия древности «вечного города» суетному духу века, красоты, провинциальности, внешнему блеску, второму сорту французской столицы. Гиппиус подчеркивает свое неприятие механического расписания жизни парижанина, например, так описан в очерке конец дня в Париже: «По пустым улицам тащатся колымаги, набитые овощами. <...> Парижанин на них не смотрит. Это на завтра. А сегодня пора спать. Всему свое время, и дни должны быть гармоничны. Повеселились – спать. Великая вещь гармония мира!»²². В этих статьях Гиппиус решала свою «сверхзадачу»: она размышляла над проблемами, волновавшими ее в тот период: влюбленность, любовь, жалость, свобода, проблема срединности, пошлости (в данном случае – применительно к европейским столицам и жителям Парижа²³). Для этого использовались «мысли по поводу». Фактографическое описание парижской жизни – повод для рассуждений Гиппиус. Такой метод типологически близок критическому методу Ап. Григорьева и развивает традиции демократической критики Чернышевского, Добролюбова и Писарева.

Гоголь, постоянно работавший над совершенствованием своих произведений, как известно, считал художника ответственным за свои творения, за каждое написанное слово. Следуя этой традиции, Гиппиус в газете «Речь» (1908) в статье «Слезинка Передонова²⁴ (То, чего не знает Сологуб)», призывала автора романа «Мелкий бес» полюбить своего бедного, нищего духом Передонова. В романе, имевшем невиданный успех в России, критики увидели «сатиру, зеркало, обличающее недостатки». Гиппиус

же пишет: «Кой черт тут “сатира”, “воплощение зла”, когда живой человек, вчерашний, завтрашний Ардалион Передонов находится в таком беспримерном, беспросветном несчастье!» Сологуб, по мнению Гиппиус, «не знает» о чувстве ответственности за созданного им героя, но он должен отвечать за него во имя «той сверхсправедливости, которую, пожалуй, можно назвать любовью»²⁵. В короткой проблемной статье в газете, которую читала широкая российская публика, Гиппиус развивала гоголевские традиции.

В период, названный Гиппиус «русским переломом» (период Первой мировой войны и двух революций), она закончила статью «Призраки»²⁶ цитатой из «Завещания» Гоголя: «Соотечественники, страшно!»²⁷, призывав остановить перебранку в небольшевистских периодических изданиях, чтобы сплотиться перед лицом большевизма. В этот период характерно использование жанров публицистики и обращение к публицистическим произведениям предшественников, служащих нравственной опорой, авторитетами в сложное время.

В 1919 г., накануне бегства Мережковских из России, главный герой «Записок сумасшедшего» переосмыслен Гиппиус по-новому. Огромное по объему документально-художественное произведение «Современная записка», которое Гиппиус вела со дня объявления Первой мировой войны, заканчивается «Серым блокнотом», написанным карандашом. Изменяется хронотоп – от датированного описания и анализа событий, происходящих в стране, до событий в огромном замерзающем призрачном Петербурге, затем на одной улице, позже – дома напротив Таврического дворца, квартиры, комнаты, где окончательно теряется ощущение времени и пространства. Дневник насыщен реминисценциями из произведений Тургенева, Достоевского, Гоголя. Запись в «Сером блокноте» начинается в октябре, как у Поприщина, позже время становится неопределенным, а пространство в «Сером блокноте» ограничивается только «близким, маленьким,

страшным». Рефрен дневника – поприщинское «молчание», и это слово стало последним, написанным Гиппиус в России.

В эмиграции статью «Гоголь и Россия» (1934) Мережковский начал цитатой из Гоголя: «Соотечественники, страшно!». И далее: «Ужас надвигающейся гибели предчувствовал Гоголь, как никто, и в чем спасение, знал тоже, как никто. Только в христианстве заключена возможность примирения тех противоречий, которых не в силах примирить человечество, помимо Христа»²⁸. Мережковский закончил статью словами: «Неужели <...> мы еще не поняли, что Россия спасется только тогда, когда скажет вместе с Гоголем: “Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом?”»²⁹. В статье автор цитировал переписку Гоголя и Белинского по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями», и обращение к осмыслению этой переписки в среде русской эмиграции было характерным явлением³⁰. Гиппиус обратилась к «Выбранным местам...» раньше Мережковского в докладе, прочитанном в обществе «Зеленая лампа» в 1929 г.³¹ От рассуждений о полемике Гоголя и Белинского Гиппиус переходит «мыслям по поводу» русской интеллигенции и судьбы России, возвращаясь к темам своих первых эссе «Хлеб жизни» и «Критика любви»³², в которых главной являлась проблема жизнотворчества, выявление связей искусства и жизни, стремление соединить жизнь и религию, вызвать интерес современников, особенно молодежи, к «общим идеям». Те же проблемы волнуют Гиппиус в одной из последних статей «Дорогие покойнички»³³, написанной по поводу статьи Г. Адамовича «Длинный разговор»³⁴. Первым в ряду русских классиков Гиппиус поставила Гоголя. Он полемизировал с «журналистом» Белинским, который боролся за «внешнюю свободу»³⁵.

Для Гиппиус характерно то, что вопросы, связанные с продолжением традиций русской литературы, ставились и обсуждались в обществе «Зеленая лампа», где частыми посетителями были молодые писатели и поэты, успевшие закалиться и постареть в войнах и революциях, но не успевшие

получить всестороннего образования. Связь через десятилетия с памятью о кружке Всеволожского, затем с первыми редакционными собраниями в «Новом пути», в Религиозно-философском обществе в Петербурге, в парижской квартире, в сборниках, где под одной обложкой Гиппиус собирала талантливую молодежь, – все это стало атмосферой жизнетворчества Гиппиус. Для нее был важен и пафос собственной сопричастности к русской литературе, и умение найти, помочь включить в литературу талантливых авторов, которые непременно, с точки зрения Гиппиус, должны были иметь «человеческий талант», дар слова, интерес и отношение к «общим идеям» и идеям русских писателей. Гоголь, впервые в русской литературе заговоривший, по его словам, о Боге, был для Гиппиус спутником с детства до последних лет жизни.

---

¹ См.: Судьба Гоголя. Творчество, жизнь и религия // Новый путь. 1903. № 1–3. В отдельном издании: Гоголь и черт. М., 1906. Гоголь. Творчество, жизнь и религия. СПб., 1909.

² *Сугай Л.А.* Гоголь и символисты: Монография / под ред. И.К. Кучмаевой. М., 1999. С. 17.

³ См об этом: *Сугай Л.А.* Гоголь и русский символизм: автореф. дис... докт. филол. наук. М., 2000. С. 10.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ *Александрова Т.А.* Н.В. Гоголь в критической прозе Д.С.Мережковского: автореф. дис... канд. филол. наук. Коломна, 2005. С. 15–16.

⁶ *Мережковский Д.С.* Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб., 2007. С. 716.

⁷ *Гиппиус З.* Дневники: в 2 кн. / под общей ред. А.Н. Николюкина. М., 1999.

⁸ *Гиппиус З.* Мечты и кошмар (1920–1925 гг.). Неизвестная проза: в 3 т. Т. 1 / сост., вступ. статья, коммент. А.Н. Николюкина. СПб., 2002; *Гиппиус З.* Чего не было и что было (1926–1930 гг.). Неизвестная проза: в 3 т. Т. 2 / сост., вступ. статья, коммент. А.Н. Николюкина. СПб., 2002; *Гиппиус З.* Арифметика любви (1931–1939 гг.). Неизвестная проза: в 3 т. Т. 1 / сост., вступ. статья, коммент. А.Н. Николюкина. СПб., 2003.

⁹ См. об этом: *Гиппиус З.Н.* Д. Мережковский // *Гиппиус З.Н.* Живые лица: стихи; дневники; воспоминания. Тбилиси, 1991. Кн. 2. С. 165–166.

¹⁰ Студет-юрист унив. Св. Владимира // Гоголь в русской поэзии / сост. В.В. Каллаш. М., 1902. С. 39–40.

¹¹ *Глебов Л.И.* Был Гоголь с нами много лет // Гоголь в русской поэзии / сост. В.В. Каллаш. М., 1902. С. 38.

¹² См. об этом: *Виролайнен М.Н.* Два Петра (Памятники Фальконе и Шемякина) // *Виролайнен М.Н.* Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской литературы. СПб., 2003. С. 266–288.

¹³ *Сугай Л.А.* «Живая и мертвая вода»: Пушкин и Гоголь в трактовке символистов // Гоголь и Пушкин: Четвертые Гоголевские чтения: сб. докл. М., 2005. С. 174–186.

¹⁴ *Гиппиус З.Н.* Д. Мережковский. С. 166.

¹⁵ См. об этом: *Цветаева М.* Мой Пушкин. Алма-Ата, 1990. С. 32.

¹⁶ *Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. М., 1988. С. 218, 225.

¹⁷ См. об этом в статьях: *Орлова М.В.* З.Н. Гиппиус-критик в журнале «Весы» // Литература в контексте культуры: сб. научных трудов. Днепропетровск, 2002. С. 72–82; *Паолини М.* З.Н. Гиппиус-критик и «Весы» (1906–1907) // Из истории символистской журналистики: «Весы». М., 2007. С. 80–102. В своей статье М. Паолини назвала Гиппиус «вождем кампании журнала против мистического анархизма», возможно, такая точка зрения доминирует излишне, т.к. «кампания» была санкционирована В. Брюсовым.

¹⁸ *Антон Крайний* <З. Гиппиус>. Иван Александрович – неудачник // Весы. 1906. № 8. С. 50.

¹⁹ *Антон Крайний* <З. Гиппиус>. Анекдот об испанском короле // Весы. 1907. № 8. С. 72.

²⁰ См. об этом: *Орлова М.В.* Литературная критика З.Н.Гиппиус (К вопросу об эстетических позициях): автореф. дис... канд. филол. наук. Коломна, 2006. С. 10.

²¹ *Антон Крайний* <З. Гиппиус>. Анекдот об испанском короле // Весы. 1907. № 8. С. 73.

²² *Антон Крайний* <З. Гиппиус>. Парижские фотографии // Весы. 1907. № 2. С. 68.

²³ Совершенно иное восприятие Парижа в статье «Лучезарный город» (Новые ведомости. 1918. № 76. 3 июня (21 мая). Веч. выпуск. С. 5). Здесь французская столица, в 70 километрах от которой остановилась германская армия, названа городом света и Свободы, центром мировой культуры. В период эмиграции о культурной жизни в Париже Гиппиус опубликовала серию очерков (некоторые из них названы «письмами из Парижа»), среди них: *Гиппиус З.* У нас, в Париже... // Сегодня. 1932. № 356. 24 дек. С. 2; *Гиппиус З.* У нас, в Париже. Новые «понедельники» // Сегодня. 1936. № 40. 9 февр. С. 3; *Гиппиус З.* В парижском углу не скучно. Танцы на вулкане // Сегодня. 1938. № 111. 22 апр. С. 3.

²⁴ Здесь отчетлива аллюзия на «слезинку» Достоевского. Восприятие гоголевских тем у Гиппиус, как и у Мережковского, было основано на определенной прочитанности Гоголя через Достоевского.

²⁵ *Гиппиус З.* Слезинка Передонова (То, чего не знает Сологуб) // Речь. 1908. № 273. 10 нояб. С. 2.

²⁶ Новые ведомости. 1918. № 50. 18(5) апреля. С. 5.

²⁷ *Антон Крайний* <З.Гиппиус>. Призраки // Новые ведомости. 1918. № 50. 18(5) апреля. С. 5.

²⁸ *Мережковский Д.С.* Гоголь и Россия // Возрождение. № 3294. 1934. 10 июня. Цит. по: *Мережковский Д.С.* Царство Антихриста: статьи периода эмиграции. СПб., 2001. С. 434.

²⁹ Там же. С. 436.

³⁰ См., например: *Кривонос В.Ш.* Поворот или надрыв? (Поздний Гоголь в исследованиях Русского зарубежья) // Н.В. Гоголь и Русское зарубежье: Пятые Гоголевские чтения: сб. докл. М., 2006. С. 55–65. В том же сборнике докладов см. статью: *Саськова Т.В.* «Гоголевский текст в «Учителе музыки» А.М. Ремизова. С. 209–216 и ссылку автора на указанную выше монографию Л.А. Сугай: С. 194, 195.

³¹ Доклад «Гоголь и Белинский (В «Зеленой лампе»)» напечатан в газете «Возрождение» (1929. № 1416. 18 апреля. С. 2).

---

³² См.: *Гиппиус З.* Критика любви // Мир искусства. 1901. № 1. С. 28–34; *Гиппиус З.* Хлеб жизни // Мир искусства. 1901. № 11–12. С. 323–334.

³³ Новая Россия. 1937. № 25. 11 апреля.

³⁴ Новая Россия. 1937. № 230.

³⁵ *Антон Крайний* <*З. Гиппиус*>. Дорогие покойнички // Новая Россия. 1937. № 25. 11 апреля. С. 14–15.